e-ISSN 3060-5059
DOI: 10.67227

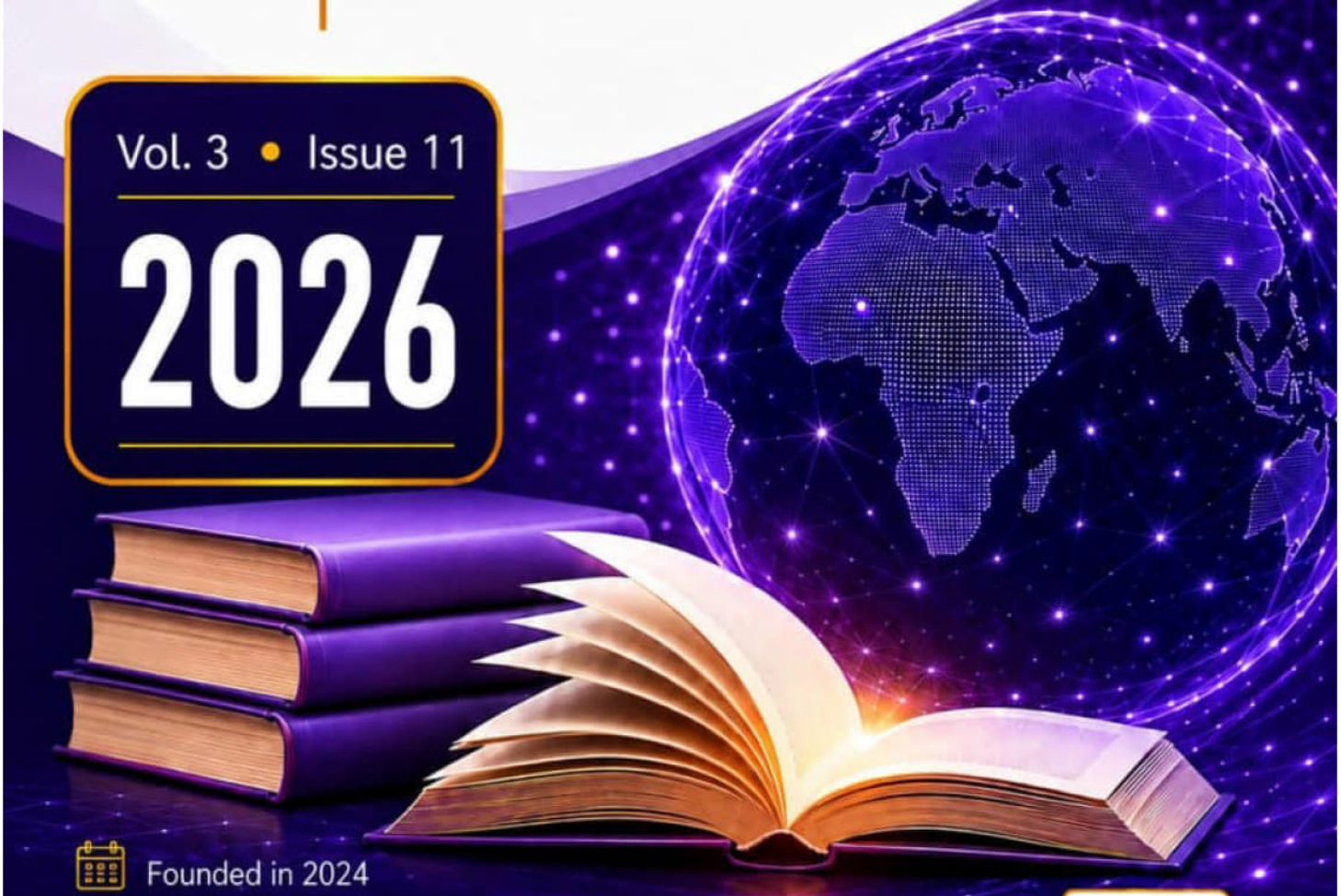
IJTIMOIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNAL

Scientific and Innovative Research in Social and Humanitarian Studies

Vol. 3 • Issue 11

2026

Founded in 2024

publishscience.uz | publish_science_journal@mail.ru

PEER REVIEWED • OPEN ACCESS

ISSN 3060-5059 (Online)
Article / Original paper https://doi.org/10.67227/mcq8g352

JADIDLAR XORIJIY SAFARLARINING GEOGRAFIYASI, MAQSADI VA YO‘NALISHLARI

Urakova Feruza Nurillayevna
Nizomiy nomidagi Toshkent davlat pedagogika universiteti, tayanch doktorant (PhD).
e-mail: ferozaoroqiva@gmail.com **ORCID**: https://orcid.org/0009-0007-4963-875X

Annotatsiya.
Maqolada XIX asr oxiri – XX asr boshlarida Turkiston jadidlarining xorijiy safarlari geografiyasi, maqsadlari va yo‘nalishlari tahlil qilinadi. Is’hoqxon Ibrat, Mahmudxo‘ja Behbudiy, Abdurauf Fitrat va Munavvarqori Abdurashidxonov faoliyati misolida xorijiy safarlar qiyoslash va tanlab o‘zlashtirishga asoslangan bilish usuli sifatida ko‘rsatib beriladi. Shuningdek, 1920-yillarda xorijda ta’lim olish jarayonining tashkiliy tus olgani hamda Germaniya yo‘nalishining shakllanishi yoritiladi.

Kalit so‘zlar: jadidlar, Turkiston, xorijiy safar, Ibrat, Behbudiy, Fitrat, Munavvarqori, xorijda ta’lim, Germaniya, “Ko‘mak” uyushmasi.

ГЕОГРАФИЯ, ЦЕЛИ И НАПРАВЛЕНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ПОЕЗДОК ДЖАДИДОВ

Уракова Феруза Нуриллаевна
Ташкентский государственный педагогический университет имени Низами, докторант (PhD).

Аннотация.
В статье анализируются география, цели и направления зарубежных поездок туркестанских джадидов в конце XIX — начале XX века. На примере деятельности Исхокхона Ибрата, Махмудходжи Бехбуди, Абдурауфа Фитрата и Мунавваркары Абдурашидханова зарубежные поездки рассматриваются как способ познания, основанный на сравнительном анализе и избирательном освоении зарубежного опыта. Также освещаются организационное оформление зарубежного образования в 1920-е годы и формирование германского направления обучения.

Ключевые слова: джадиды, Туркестан, зарубежные поездки, Ибрат, Бехбуди, Фитрат, Мунавваркары, обучение за рубежом, Германия, общество «Кумак».

GEOGRAPHY, PURPOSES, AND DESTINATIONS OF THE JADIDS’ FOREIGN TRAVELS

Urakova Feruza Nurillayevna
Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, PhD Doctoral Student.

Abstract.
This article analyzes the geography, purposes, and destinations of foreign travels undertaken by the Turkestan Jadids in the late nineteenth and early twentieth centuries. Drawing on the activities of Ishokhon Ibrat, Mahmudkhoja Behbudi, Abdurauf Fitrat, and Munavvarqori Abdurashidkhonov, the study examines foreign travel as a method of acquiring knowledge based on comparative analysis and the selective adoption of foreign experience. The article also highlights the institutionalization of education abroad during the 1920s and the emergence of Germany as a major educational destination.

Keywords: Jadids, Turkestan, foreign travel, Ibrat, Behbudi, Fitrat, Munavvarqori, education abroad, Germany, Ko‘mak Society.

Введение. В конце XIX — начале XX века зарубежные поездки туркестанских джадидов вышли за рамки обычного паломничества, торговли или личного приключения и стали важной составной частью стратегии национального развития. По мнению джадидов, отсталость в условиях колониализма нельзя было преодолеть одной лишь внутренней пропагандой: для этого требовалось непосредственно увидеть школы, печать, издательское дело, научные учреждения, городское хозяйство и политический опыт развитых обществ, изучить их и приспособить к местным условиям. В этом смысле зарубежная поездка стала в мышлении джадидов практическим способом познания, состоящим из этапов «увидеть — сопоставить — усвоить — внедрить». Цели и содержание поездок определялись и тем, что джадидизм выдвигал идеи просвещения, национального самосознания и реформирования общества как единое целое.

География этих поездок складывалась из нескольких взаимосвязанных пространств. Первое направление охватывало политические и научные центры Российской империи — Оренбург, Казань, Уфу, Москву, Петербург и Нижний Новгород. Второе направление стало путём мусульманского модернизма, ведущим через Крым, Кавказ и Азербайджан в Стамбул. Третье направление простиралось от Стамбула до Восточного Средиземноморья, Бейрута, Шама, Иерусалима, Порт-Саида и Каира. Четвёртое было связано с Хиджазом, Афганистаном и Индией. К 1920-м годам такие немецкие научные центры, как Берлин, Гейдельберг, Бонн, Штутгарт и Дармштадт, стали одними из главных пунктов назначения туркестанской молодёжи. Это

ISSN 3060-5059 (Online)

географическое расширение показывает, что поездки джадидов перешли от этапа паломничества и знакомства к этапу целенаправленного профессионального образования и научно-технического трансфера.

ОБСУЖДЕНИЕ

ПОЕЗДКИ ИБРАТА: ОТ ПАЛОМНИЧЕСТВА К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ПОЗНАНИЮ

Поездки Исхокхана туры Ибрата, начавшиеся в 1887 году, — один из первых и наиболее ярких примеров этого процесса. В 25 лет он отправился в путь, чтобы совершить хадж с матерью Хурибибини. После смерти матери в Джидде Ибрат не прекратил поездку и продолжил её по городам Востока и Европы. В источнике отмечается, что он побывал в Стамбуле, Софии, Афинах и Риме, жил в афганском Кабуле и аравийской Джидде. Таким образом, маршрут Ибрата представлял собой трансрегиональную поездку, одновременно имевшую религиозное, культурное и научное содержание [1, с. 7–9].

Из Мекки через Красное море и Индийский океан Ибрат перебрался в Индию и в 1892–1896 годах жил в Бомбее и Калькутте. Там он изучил арабский, персидский, хинди-урду и английский языки; в арабских странах заинтересовался французским языком, а также древними финикийской, еврейской, сирийской и греческой письменностями. Язык был для него не просто средством общения, а ключом к сокровищнице знаний различных обществ. Поездка позволила ему сопоставить быт, культуру, технику и колониальные системы народов Востока и Запада [1, с. 8].

Мысль Ибрата «каждый язык стоит для странствующих сотни золотых» точно выражает научную сущность поездки. Он пишет, что расспрашивал каждого встреченного «паломника и человека знаний» о знаниях и методах обучения. Поэтому его путь предстаёт не случайной чередой пунктов, а маршрутом накопления знаний. Языковой материал, собранный во время поездки, позднее лёг в основу создания «Лугати ситтати алсина». Сам автор, вспоминая свой опыт в городах Афганистана, Индии и Персии, подчёркивал большую ценность знания языков для путешествующих и сообщал, что составил шестиязычный словарь с намерением «оставить людям века память» [1, с. 9, 12; 2, с. 2].

Результаты поездки Ибрат перенёс в практику Туркестана: создание школы, словаря, исторических трудов и работ по истории письменности, развитие типографского дела и интерес к техническим новшествам были неразрывно связаны с его наблюдениями за рубежом. Подъём развитых городов он оценивал как результат, достигнутый «знанием и учением», и пришёл к выводу, что «орудие, обретающее и движущее культуру, — знание». Этот взгляд выражает основной принцип отношения джадидов к заграничному миру: внешний мир воспринимался не как объект подражания, а как пространство опыта, который следует изучать ради реформирования собственного общества [1, с. 28].

ПОЕЗДКИ БЕХБУДИ: ПРЕССА, БИБЛИОТЕКА И СОЦИАЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ

В поездках Махмудходжи Бехбуди также переплетаются паломничество и изучение современного мира. В 1899–1900 годах он совершил хадж по маршруту Кавказ — Стамбул — Каир, а в 1906–1907 годах, как он вспоминает в своём «Касди сафар», побывал в Оренбурге, Москве, Петербурге, Казани и Нижнем Новгороде. Поездка в центры российских мусульман позволила ему познакомиться с новометодными школами, мусульманской печатью, издательским делом и опытом политического консультирования. Стамбул и Каир привлекли его внимание как центры, где пересекались исламская наука, современное образование и международная пресса [3, с. 55].

Вторая крупная поездка Бехбуди, начавшаяся 29 мая 1914 года, имела чёткую программу. Для «Кутубхонаи Бехбудия» и «Ойина» он планировал найти в Стамбуле, Египте, Крыму, на Кавказе, в Казани, России и других странах книги, фотографии, научно-исторические чертежи и печатные формы. Первоначальный план предусматривал путь через Кавказ и Крым в Стамбул, оттуда — в Грецию, Бейрут и Каир; на обратном пути — через Стамбул, Болгарию, Австрию и Берлин в Россию. Хотя план не был осуществлён полностью, его содержание показывает, насколько широкими были цели поездки: пополнить библиотеку, собрать визуальный и научный материал для журнала, сопоставить опыт образования и управления различных обществ [3, с. 14, 55–56].

Маршрут поездки пролегал в Стамбул через Байрамали — Ашхабад — Красноводск — Баку — Минеральные Воды — Кисловодск — Пятигорск — Железноводск — Ростов — Одессу. 8 июня Бехбуди прибыл в Стамбул, затем отправился в Эдирне; вернувшись в Стамбул, 21 июня он по морю направился в Бейрут, Яффу, Иерусалим, Хеврон, Порт-Саид и Шам. Этот маршрут представлял собой новое, джадидское воплощение исторического коммуникационного пути, связывавшего Туркестан с арабским миром через Чёрное море, османскую столицу и Восточное Средиземноморье [3, с. 68, 72].

Бехбуди описывает Стамбул не только как красивый город. Он наблюдает за работой порта, таможни, полицейским надзором, транспортом, архитектурой, печатью и образовательной средой. Вместе с тем он критикует мусульманское общество за то, что, живя вблизи Европы, оно не воспользовалось в достаточной мере её наукой и ремёслами: «пятьсот лет живя рядом с Европой, переняли европейские обычаи, одежду и дурные дела, но от её знаний и ремёсел должной доли не получили», — пишет он. Эта фраза показывает принцип выборочного усвоения у джадидов: следует овладевать не внешней формой, а наукой, техникой, дисциплиной и эффективными институтами [3, с. 72].

Во время поездки Бехбуди встретился в Стамбуле с лидером крымско-татарского джадидизма Исмаилом Гаспринским, увидел разрушения, вызванные войной, и проблемы образования в Эдирне, связал развитие городов с состоянием науки и управления. Регулярная публикация его «Путевых заметок» («Сайохат хотиралари») в «Ойина» означала, что поездка из индивидуального впечатления превратилась в общественное знание. Читатель глазами Бехбуди «увидел» зарубежные города и сопоставил их достижения и недостатки с

Туркестаном. Так путевой очерк в джадидской печати выполнил роль неофициального учебника географии, политологии и модернизации [3, с. 81–84].

РОССИЯ, КРЫМ И КАВКАЗ: ПРОСТРАНСТВО ОПОСРЕДОВАННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Поездки туркестанских джадидов внутри России показывают политико-территориальную сложность понятия «заграница». Хотя Петербург, Москва, Казань, Оренбург и Нижний Новгород находились на территории империи, для туркестанского интеллигента это были центры с иной социальной, научной и издательской средой. Казань и Оренбург предоставляли возможность познакомиться с опытом мусульманского издательского дела, подготовки учебников, работы типографий и благотворительных обществ; Петербург и Москва давали возможность изучить систему высшего образования, политическое представительство и государственное управление. Регулярная подписка круга интеллигентов вокруг Мунаввар кори на газеты Стамбула, Оренбурга и Ирана показывает, что и вне поездок продолжалась трансрегиональная информационная связь [4, с. 15–16].

Крым и Кавказ были посредническим пространством между российскими мусульманами и османским миром. Баку как центр нефтяной промышленности, рабочего движения, печати и театра, а Бахчисарай — благодаря газете «Терджиман» и новометодному опыту — оказали сильное влияние на туркестанскую интеллигенцию. Через школы и печать Азербайджана туркестанские джадиды увидели, что в тюркском мире можно организовать современное образование на родном языке. Поэтому во многих маршрутах Баку был не просто транзитной станцией, а самостоятельным центром обучения и приобретения опыта.

ОРГАНИЗАЦИЯ ЗАРУБЕЖНОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ГЕРМАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Политические изменения после 1917 года положили начало новому этапу зарубежных поездок. Теперь на повестку дня вышла отправка за границу десятков молодых людей для обучения по определённым специальностям, а не поездки отдельных интеллигентов. Осознав ограниченные возможности местной системы высшего образования, деятели просвещения Туркестана и Бухары наряду с Москвой, Петербургом, Казанью, Баку, Стамбулом и Каиром признали Германию стратегическим образовательным центром [5, с. 8–10].

Важной организационной опорой этого процесса стали бухарское общество «Тарбийаи атфол», ташкентское общество «Кумак» и другие просветительско-благотворительные структуры. «Тарбийаи атфол», отправив в Стамбул таких молодых людей, как Фитрат, Усман Ходжа, Ата Ходжа и Мазхар Бурханов, стремилось подготовить новые кадры для реформирования Бухары. Обучение в Стамбуле не ограничивалось углублением религиозных знаний, а предусматривало овладение современной педагогикой, политической мыслью, издательским делом и организаторским опытом [6, с. 4–9].

Созданное 2 мая 1922 года общество «Кумак» систематизировало материальную и духовную помощь туркестанской молодёжи, обучавшейся за границей и в российских городах. Цель организации состояла в отборе способных молодых людей, покрытии расходов на дорогу и обучение, налаживании регулярной связи со студентами и направлении их усилий на решение задач национального развития. В этом отношении «Кумак» можно рассматривать как историческую форму современного стипендиального фонда [6, с. 7–8, 58–60].

Выбор германского направления не был случайным. Во-первых, несмотря на экономические трудности после Первой мировой войны, германские университеты, технические и сельскохозяйственные высшие школы обладали сильной научной базой. Во-вторых, дипломатические отношения с Россией и сравнительно благоприятные условия позволяли размещать студентов. В-третьих, Туркестану и Бухаре требовались агрономы, инженеры, врачи, педагоги, экономисты и другие современные специалисты. В источниках встречаются сведения о том, что в Берлине учились десятки туркестанских студентов и что в 1922–1923 учебном году в Германию было направлено более 70 молодых людей. Цифры в разных документах могут различаться, однако масштаб этого движения значительно превзошёл индивидуальные поездки [6, с. 9–12, 47].

ПОТРЕБНОСТЬ В ПОЕЗДКАХ И КОЛОНИАЛЬНАЯ ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

Чтобы понять стремление джадидов выезжать за границу, необходимо учесть возможности и ограничения официальной системы образования в Туркестане. Хотя открытые колониальной администрацией русско-туземные школы обучали местных детей русскому языку и некоторым светским дисциплинам, их организация была неотделима от политических интересов империи. Н. А. Бобровников, в 1912 году непосредственно осмотревший русско-туземные школы, мектебы и медресе Туркестана, в заметках, опубликованных в 1913 году, пишет, что образование делилось на две части — местные и русские классы, а целью было обучение русскому языку с помощью «живой речи» и наглядного метода. Этот источник следует читать критически, поскольку он отражает взгляды представителя официальной системы образования: подчёркивая преимущества системы, автор принимает её колониальную функцию как естественное и неизбежное явление [7, с. 3–5].

В приводимых Бобровниковым решениях Ташкентской комиссии 1907 года мнимая «неразработанность» местных языков в научном и литературном отношении использовалась для обоснования доминирующего положения русского языка в русско-туземном образовании. Местный класс ограничивался религиозной грамотой и начальными знаниями на родном языке, а преподавание «общекультурных» знаний возлагалось на русский класс. Такой подход сужал возможности местного общества самостоятельно производить современные знания. Осознав именно это ограничение, джадиды избрали путь открытия новометодных школ, создания современных учебников на родном языке и направления молодёжи в научные центры за пределами местной системы контроля. Следовательно, зарубежные поездки были обусловлены не только интересом к развитым странам, но и структурной недостаточностью колониальной системы образования [7, с. 5–7].

Различие между официальной школьной политикой и джадидской школой проявляется в их целях. Если

ISSN 3060-5059 (Online)

русско-туземная школа была ориентирована преимущественно на подготовку переводчиков, писарей и низших служащих для имперских учреждений, то джадидская школа стремилась воспитать личность, способную собственными силами служить развитию нации. Как отмечает Р. Шарипов, колониальная власть считала русификацию местного населения важной задачей образования, джадиды же видели в школе средство сохранения национального самосознания и обновления. Зарубежная поездка была высшей ступенью этой альтернативной образовательной программы: после получения начального образования учащийся должен был освоить современную профессию в Казани, Оренбурге, Стамбуле, Каире или европейских университетах и, вернувшись на родину, служить ей [8, с. 10–12].

РОЛЬ ОПЫТА КРЫМА И ИСМАИЛА ГАСПРИНСКОГО

В географии поездок туркестанских джадидов Крым занимает особое место. Созданные Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае газета «Терджиман» и новометодная школа показали туркестанской интеллигенции, что мусульманское общество можно модернизировать, сохранив религиозно-культурное своеобразие. Гаспринский выдвигал идеи об организационном отделении школы от медресе, ведении начального образования на родном языке, введении таких предметов, как арифметика, история и география, а также о необходимости уделять внимание образованию девочек. Эти идеи проникли в Туркестан через поездки, подписку на прессу, связи учителей и распространение учебников [8, с. 31–33].

Поездка Гаспринского в 1893 году в Бухару, Самарканд и Ташкент усилила двусторонний обмен знаниями. Он осмотрел местные школы, беседовал с чиновниками и улемами о реформе образования, однако не смог полностью осуществить план открытия новой школы в Бухаре. Сама эта неудача — важный исторический показатель: распространение новшества зависело не только от привлекательности идеи, но и от политической власти, религиозных кругов и финансовых возможностей. В последующие годы Бехбуди, Мунаввар кори, Ибрат и другие джадиды, приспосабливая зарубежный опыт к местным условиям, не копировали модель Гаспринского буквально; они создали своеобразную систему, опирающуюся на учебники на узбекском языке, местную благотворительность и национальную печать [8, с. 33–37].

ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ПОЕЗДОК И ОПЫТ АХМАДА ДОНИША

Поездки джадидов возникли не на пустом месте. В XIX веке Ахмад Дониш, побывавший в России в составе бухарских посольств, сопоставил государственное управление, градостроительство и технический прогресс Петербурга с положением дел в Бухарском эмирате. Хотя его поездки 1857, 1869 и 1874 годов совершались по поручению двора, его наблюдения служили развитию реформаторской мысли. Р. Шарипов подчёркивает, что петербургские поездки Ахмада Дониша оказали сильное влияние на формирование критических взглядов, отражённых в его основных произведениях. Поколение джадидов вывело этот сравнительный метод на более массовый и институциональный уровень [8, с. 27–29].

Преемственность между Ахмадом Донишем и джадидами XX века видна в целях поездок: увидеть внешний мир означало яснее осознать недостатки внутреннего устройства общества. Однако если выводы Дониша оставались в основном в рамках советов правителю и рукописных трудов, то Бехбуди и его соратники распространяли свои наблюдения среди широкой аудитории через газеты и журналы, театр, школу и общественные организации. Поэтому в джадидский период поездка превратилась из источника индивидуальных политических рекомендаций в инструмент коллективной программы модернизации. Это изменение было связано с расширением сети типографий, развитием железнодорожного и пароходного сообщения, связей между российскими мусульманами и появлением нового слоя интеллигенции.

КОНЦЕПЦИЯ «ОЛИМИ ЗАМОНИ» БЕХБУДИ

Бехбуди теоретически обосновал необходимость зарубежного образования через понятие «олими замони» («учёный своего времени»). По его мнению, учёный своего времени не должен ограничиваться знанием религиозных текстов: после традиционного образования в Туркестане и Бухаре ему следует углубить религиозные знания в Мекке, Медине, Египте и Стамбуле и вместе с тем овладеть современными науками в государственных школах установленного образца, гимназиях и высших учебных заведениях. В этой концепции религиозное и светское знание не противопоставляются; напротив, они объединяются в специалисте, способном управлять обществом, понимать международные отношения и использовать новые технические возможности [3, с. 43–45].

Р. Шарипов, поясняя образовательный путь, определённый Бехбуди, отмечает, что для «олими замони» помимо местной школы необходимо образование в Петербурге, Москве, Стамбуле и других развитых центрах. С точки зрения Бехбуди, выезд за границу означал не отдаление от своей земли и веры, а расширение круга знаний ради более эффективного служения им. Поэтому в его статьях вопрос отправки студентов за границу связан с подготовкой национальных кадров — юристов, врачей, инженеров и учителей. Этот взгляд подготовил идейную почву для программ, осуществлённых в 1920-е годы «Кумаком» и бухарским правительством [8, с. 110–113].

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПУТЕВЫХ ЗАПИСОК БЕХБУДИ

«Касди сафар» Бехбуди сочетает элементы путевого дневника, публицистического анализа и просветительской программы. Автор вспоминает, что предыдущая поездка на хадж длилась более восьми месяцев, а в 1906–1907 годах он через Оренбург побывал в Москве, Петербурге, Казани и Нижнем Новгороде. Причины поездки 1914 года он объясняет состоянием здоровья, потребностями «Ойина» и «Кутубхонаи Бехбудия». Эти сведения показывают, что личные и общественные цели поездки переплетались. Хотя он говорит, что отправился отдыхать, на деле он искал книги, фотографии, печатные формы и научные материалы [3, с. 55–57].

ISSN 3060-5059 (Online)

В описании пути много мелких деталей о расстояниях, транспорте, билетах, таможне, гостиницах и городской инфраструктуре. Например, при поездке в Стамбул через Одессу отмечаются пароходное сообщение, встречи представителей разных народов в одном вагоне или на судне, полицейский надзор в порту. Такие подробности делают путевые записки важным источником по истории повседневности. Для Бехбуди железная дорога и пароход — не просто техника, а материальная основа распространения информации и культуры. Вывод о том, что развитие Туркестана зависит от развития таких взаимосвязанных институтов, как дорога, почта, телеграф, школа и типография, проявляется в разных местах текста [3, с. 68–72].

В описании Стамбула и Эдирне Бехбуди критикует мусульманское общество изнутри. Восхищаясь величием архитектуры, он не скрывает отставания в области науки и ремёсел; пишет, что внешние стороны европейских обычаев быстро усваивались, а знания и техника перенимались в недостаточной степени. Эта критика отличается от уничижительного взгляда колониальных авторов на Восток. Бехбуди объясняет проблему не «природной неспособностью» мусульман, а неправильным образованием, управлением, расточительством и общественной безответственностью. Следовательно, его критика не отрицает возможность реформы, а, напротив, обосновывает её [3, с. 81–85].

Наблюдения о Бейруте, Иерусалиме, Яффе, Порт-Саиде и Шаме показывают, что Бехбуди воспринимал мусульманский мир как единое, но внутренне разнообразное пространство. Он сопоставляет быт местного населения, религиозные святыни, торговлю, образование и транспорт. В путевых записках видно и то, как автор пересматривает собственные взгляды: если увиденная картина не соответствовала прежнему представлению, он не скрывает своего впечатления. Поэтому произведение отражает не готовые стереотипы джадидов о заграничном мире, а сложное знание, сформированное на основе непосредственного наблюдения [3, с. 92–105].

СТАМБУЛЬСКИЙ ПЕРИОД ФИТРАТА И РЕФОРМА В БУХАРЕ

Учёба Абдурауфа Фитрата в Стамбуле в 1909–1913 годах стала одним из поворотных моментов в истории бухарского джадидизма. Стамбул в этот период был центром османского конституционного движения, политики младотурок, различных течений мысли, печати и современных школ. Р. Шарипов отмечает, что Фитрат близко познакомился с движением младоосманов и их литературной средой и что эта среда повлияла на его последующую реформаторскую программу. Фитрат не привёз из Стамбула готового политического шаблона; он переработал увиденный опыт применительно к политическим, религиозным и социальным условиям Бухары [8, с. 38–41].

В произведениях Фитрата, созданных или задуманных в Стамбуле, использован взгляд внешнего наблюдателя на бухарское общество. Если в «Мунозара» через спор индийского путешественника и мударриса показаны недостатки старого образования, то в «Хинд сайёхи баёноти» критикуются городское управление, здравоохранение, торговля, промышленность и просвещение. Такой литературный приём позволил автору сопоставлять внутренние проблемы с международными мерками. Стамбульский опыт позволил Фитрату понять, что реформа общества не сводится к изменению метода преподавания в школе, а должна охватывать также экономику, право, семью, государственное управление и общественное здравоохранение [8, с. 40–43].

В деятельности Фитрата и его соратников обучение за границей и организованная общественная помощь дополняли друг друга. Бухарское общество «Тарбийаи атфол» взялось финансировать учёбу молодых людей в Стамбуле. Студенты, в свою очередь, должны были привезти в Бухару новые учебники, политико-литературные произведения и организационный опыт. Эти отношения, отличавшиеся от традиционной формы покровительства, понимались как вложение, результат которого измеряется появлением в будущем квалифицированных кадров для общества. В этом отношении поездки бухарских студентов превратили просветительскую благотворительность в институциональную кадровую политику.

МУНАВВАР КОРИ И ТРАНСРЕГИОНАЛЬНАЯ ИНФОРМАЦИОННАЯ СЕТЬ

Деятельность Мунаввар кори показывает, что зарубежная поездка не сводится к физическому перемещению. Он следил за газетами, журналами и книгами, поступавшими из Стамбула, Оренбурга, Казани, Египта и других центров, и использовал их в школьной и издательской деятельности. Круг интеллигентов вокруг него создавал своеобразный опыт «дистанционной поездки», подписываясь на зарубежные издания, переводя статьи и обсуждая новые педагогические идеи. Такое распространение информации помогало туркестанскому интеллигенту быть в курсе мировых событий и понимать местные проблемы в более широком контексте [4, с. 15–19].

Мунаввар кори, критикуя непонятные тексты и механическое заучивание в старой школе, вспоминает, что квалифицированные учителя из Стамбула, Египта и Казани и новые учебники постепенно изменили образовательную среду. Это свидетельство показывает, что зарубежное влияние распространялось не в одном направлении: как туркестанцы ездили за границу, так и учителя, книги и методики из других мусульманских центров приходили в Туркестан. Поэтому историю поездок следует изучать не только на основе биографий известных личностей, но и как процесс перемещения людей, распространения текстов и педагогических технологий [4, с. 95–100].

После 1917 года просветители из окружения Мунаввар кори стремились расширить сеть школ, готовить учителей и создать национальную систему управления образованием. Работа обучавшихся в Турции узбеков и турецких учителей в ташкентских школах стала в этот период непосредственной формой обмена опытом. Однако быстрая смена политической власти, нехватка средств и усиление централизованного советского контроля не позволили превратить этот опыт в устойчивую систему [8, с. 41–46].

РЕЗУЛЬТАТЫ

ISSN 3060-5059 (Online)

Таким образом, география зарубежных поездок джадидов была напрямую связана с их целями. Хиджаз воспринимался как место религиозного паломничества и связей с мусульманским миром; Стамбул — как центр печати, образования и политической мысли; Каир — исламской науки и современного издательского дела; Казань, Оренбург и Крым — тюркско-мусульманского модернизма; Баку — промышленного, театрального и революционно-политического опыта; Петербург и Москва — высшего образования и государственной политики; Берлин и другие немецкие города — как центры профессиональной науки и техники. Эта полицентричная география показывает, что туркестанский джадидизм не был слепо привязан к какой-либо внешней модели, а, напротив, выборочно усваивал различный опыт.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ibrat, Siddiqiy-Ajziy, So‘fizoda. Tanlangan asarlar. – Toshkent: Ma’naviyat, 1999. Imom Buxoriy xalqaro ilmiy-tadqiqot markazi
2. Ibrat I. Lug‘ati sitta al-sina. – Toshkent: V. I. Il’in tipolitografiyasi, 1901.
3. Behbudiy M. Tanlangan asarlar. – Toshkent: Ma’naviyat, 2009. – URL: https://hilolnashr.uz/mahmudxoja_behbudiy. hilolnashr.uz
4. Munavvar qori Abdurashidxonov. Tanlangan asarlar. – Toshkent: Ma’naviyat, 2003. – URL: https://ci.nii.ac.jp/ncid/BA73761395. ci.nii.ac.jp
5. Turdiyev Sh. Ular Germaniyada o‘qigan edilar. – Toshkent, 2006. – 256 b. – URL: https://ziyouz.uz/kutubxona/yangi-kitoblar/sherali-turdiev-ular-germaniyada-uqigan-edilar/. ziyouz.uz
6. Irzayev B. Turkiston jadidlarining «Ko‘mak» tashkiloti. – Toshkent: Toshkent islom universiteti nashriyot-matbaa birlashmasi, 2016. – 148 b. – URL: https://ziyouz.com/books/tarixiy/Bahrom%20Irzayev.%20Turkiston%20jadidlarining%20Ko%27mak%20tashkiloti.pdf. ziyouz.com
7. Бобровников Н. А. Русско-туземные училища, мектебы и медресы Средней Азии: путевые заметки. – Санкт-Петербург: Сенатская типография, 1913. – 90 с. – URL: https://www.prlib.ru/item/442623. Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина
8. Sharipov R. Turkiston jadidchilik harakati tarixidan. – Toshkent: O‘qituvchi, 2002. – 176 b.